

ЗА ВОЛГОЙ ДЛЯ НАС ЗЕМЛИ НЕТ

Ю. Емельянов

Молва приписывает эту крылатую фразу то легендарному снайперу Василию Зайцеву, то легендарному генералу Василию Чуйкову. Сам военачальник, впрочем, в своих воспоминаниях утверждал, что «слова народные»: «Там, в Сталинграде, бойцы 62-й армии стоят насмерть. Они сказали: “За Волгой для нас земли нет!”, И они все до единого погибли, но слово своё сдержат. Они не отступят»... И на самом деле уже не так важно, кто в действительности первым произнёс эту фразу. Суть в том, что она оказалась сильнее любой стратегии, твёрже приказа № 227 и ярче самой пламенной политической информации. «За Волгой для нас земли нет!» — клятва верности, органически приемлемая на уровне интуиции, на уровне «слов народных». На уровне национального генетического кода.

Сталинградская эпопея сделала новую запись в генетическом коде России.

...События, предшествовавшие самой масштабной в истории битве армий, поставили Советский Союз на грань серьёзного военного провала. После того, как немцы срезали Барвенковский выступ, перед ними открылись огромные просторы — от Харькова до берегов Дона — не защищённые практически ничем. Прокатившись паровым катком четырёста с лишним километров, немцы взяли Ростов-на-Дону, там группа армий «Юг» разделилась надвое — группа «А» повернула на Кавказ, группа «Б», в которую входила 6-я армия Фридриха Паулюса, рванула к Сталинграду. Взятие этого города отрезало бы юг СССР, давало Германии контроль над Нижней Волгой и громадными

территориями богатого российского юга. И, наконец, стало бы фашистской пощёчиной лично Сталину, что немцы, знавшие толк в пропаганде и манипуляции информационным процессом, конечно, намеревались использовать.

Изначально Паулюс отправил в бой 270 тыс. человек, 3 тысячи орудий, больше 1000 самолётов и до 700 танков. Сталинградский фронт мог противопоставить немцам 0,5 млн человек, но с техническим оснащением было хуже: войска имели 2 200 стволов артиллерии, а отставание по авиации и танкам было ещё более ощутимым, 450 и 400 единиц соответственно.

Первые аккорды грандиозной битвы загремели в июле 1942-го на рубежах реки Чир. Используя превосходство в технике, немцы сумели в течение десяти дней сбить с позиций советские авангарды, проломить фронт основных сил, выйти к Дону в районе Голубинского и создать угрозу глубокого прорыва на Сталинград — что и было изначальной целью гитлеровского командования. Но упорное сопротивление советских войск (подогретое в том числе и приказом «Ни шагу назад!») сорвало планы противника. Вместо стремительного прорыва получилось brutальное продавливание; враг дошёл до Сталинграда, но не так быстро, как ему хотелось. Тем не менее, 23 августа танки вышли к Волге и тракторному заводу. Одновременно варварская бомбардировка фугасными и зажигательными бомбами превратила большую часть города в развалины — погибли 90 тысяч человек... Советские контрудары решающего успеха не имели.

С задачей удержать противника на рубеже Дона Сталинградский фронт не справился. Командующего Василия Гордова сменил Андрей Ерёмченко, а сам фронт за два месяца претерпел целую череду реорганизаций с разукрупнением, переподчинением и в конечном счёте переименованием (в сентябре прежний Сталинградский стал Донским, а новым Сталинградским оказался бывший Юго-Восточный). К этому моменту неприятель начал сжимать кольцо, пытаясь взять город штурмом и сбросить обороняющихся в Волгу.

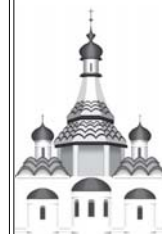
И вот тут всё пошло для немцев категорически не так. Безусловно, опыт ведения уличных боёв и у солдат, и у вражеского командования был; даже особо сложные бои в условиях сильно разрушенного города не казались непреодолимой трудностью... Волга простреливалась вся, от берега до берега, и подкрепления осаждённому Сталинграду подходили уже сильно потрёпанными. Проблем возникнуть не должно было — но они возникли: их создали врагу наши солдаты. Во-первых, они не желали ни сдаваться, ни отступить. Немцы вынуждены были медленно и тягуче зачищать квартал за кварталом, чтобы, зачистив, на другой день вновь обнаружить там советских солдат — отбивших позиции контратакой, пробравшихся по развалинам за дымом, пришедшим по подземным коммуникациям. Сражения разыгрывались за каждый дом, многие из них, как дом Павлова, вошли в историю под именами своих защитников. На тракторном заводе, ставшем линией фронта, под обстрелами ремонтировали танки; они уходили в бой прямо из заводских ворот. В уникальном сборнике «Сталинград. Величайший провал Гитлера» — своде материалов английской и американской прессы, посвящённых величайшей битве в истории, читаем прочувствованные строки Лиланда Стоу из «Бостон Глоуб»: «Есть в СССР огромная армия, о которой вы редко где услышите или прочтёте, хотя по силе, преданности и самоотверженному патриотизму она ничуть не уступает бесстрашно воюющим русским боевым частям. Это армия рабочих, простых людей, давно позабывших о 8-часовом рабочем дне, вот уже целый год трудящихся в су-

ровых условиях по 11, 12, а иногда и 14 часов в сутки. Они ведут свою невидимую войну, невоспетые герои и героини». Хочется верить, что тут журналист всё же ошибся, и несмотря на многочисленные извращения истории вообще и той битвы в частности, никто и ничто не будет забыто, в том числе героические труженики Сталинграда.

Вернёмся к хронологии осени 1942-го... Тактика уличных боёв (если к ним вообще применимо это понятие — тактика) диктовала свои законы, вынудили немцев воевать не так, как они привыкли. В условиях, когда противников по обе стороны линии фронта разделяли какие-то десятки метров (иногда даже метры!), невозможно было привлекать на поддержку артиллерию и авиацию; даже стрелковое оружие не всегда можно было использовать в узких коридорах и туннелях канализации — из-за риска рикошета. Зато в массовом порядке в ход шли огнёмёты и «допотопное» холодное оружие — штыки, ножи, самодельные дубинки... На улицах Сталинграда «война моторов» уступила место древнему, как мир, рукопашному бою. А на открытых пространствах площадей и пустырей царили снайперы.

Момент истины настал в конце октября — начале ноября. Перед немцами уже замаячил кошмар зимней кампании сорок первого, они торопились закончить дело — а советские войска в городе держались буквально на пределе возможностей. 14 октября 6-я армия начала последний рывок. Вряд ли когда-либо на столь крошечном участке фронта наступали столь мощные силы — тракторный завод и завод «Баррикады» атаковали целых пять дивизий, две из которых — танковые. Столбик термометра опускался ниже минус пятнадцати, обороняющимся катастрофически не хватало боеприпасов, провианта и главное — людей. Но то, что оставалось от 62-й армии генерал-лейтенанта Чуйкова, буквально зубами вгрызалось в три махоньких плацдарма — единственные клочки земли на этом, правом, берегу Волги. А на том, левом, — земли для них не было вовсе.

К середине ноября немецкий натиск выдохся. А уже 19-го числа началось советское контрнаступление.

Командование начало планировать его ещё в сентябре — точнее, тогда это были гипотетические намётки, прикинутые Сталиным, Жуковым и Василевским на случай прорыва немцев к Сталинграду. В деталях план операции «Уран» (окружение 6-й армии в Сталинграде) Ставка утвердила 13 ноября. Это была первая из трёх частей финальной схватки на берегах Волги; за «Ураном» последовали операции «Сатурн» и «Кольцо».

Создав абсолютное превосходство в силах и средствах на участках наступления, советские войска ударили с севера (Ватутин) и юга (Ерёменко) — нащупав в обороне противника самые слабые места. Хорошо известно, что основной удар был направлен на подразделения союзников Германии — румынов, уступавших немцам и в выучке, и в моральном духе, и в техническом оснащении. Попытки Паулюса исправить ситуацию на месте успехом не увенчались, 23 ноября красные клещи сомкнулись в районе Калача. Чувствуя, что дело отчётливо запахло жареным, немецкий генерал убеждал Гитлера дать добро на прорыв из окружения — теоретически это могло сработать и спасти 6-ю армию, пока жгут на горле ещё не затянулся накрепко; но это означало оставить Сталинград, а для фюрера город давно уже стал вопросом престижа. Паулюсу обещали поддержку извне; но ни Манштейн, тщетно пытавшийся пробить советское кольцо со стороны Котельникова, ни попытки снабжать окруженцев с помощью воздушного моста ситуацию не переломили.

«Уран» был успехом, но всё же неполным — не удалось ни с ходу разгромить, ни хотя бы рассечь и изолировать друг от друга немецкие части. Из-за этого не удалось в полной мере развить замысел операции «Сатурн», пришлось ограничиваться так называемым «Малым Сатурном». Вместо грандиозного рывка на запад — юго-запад, вплоть до Ростова-на-Дону, пришлось ограничиться развитием наступления на 100 — 150 — 200 километров. Разметав итальянские части, советские танкисты вырвались на оперативный простор, не без успеха громя неприятельские базы. Так, на католическое Рождество корпус Василия Баданова преподнёс немцам «подарок», буквально

раскатал аэродром в Тацинской, уничтожив на земле до трёхсот вражеских самолётов! Когда противник подтянул резервы и отрезал Баданова от своих, танкисты заправили машины захваченным на аэродроме топливом и прорвались из окружения. К сожалению, сил для дальнейшего развития успеха у наших войск на тот момент объективно не было, да и намертво засевавший в Сталинграде Паулюс требовал считаться с собой. На рубеже 1942–43 годов фронт стабилизировался. «Малый Сатурн» завершился, началась операция «Кольцо» — по ликвидации 6-й армии вермахта.

Согласно плану, всё должно было завершиться за неделю. Но солдаты Паулюса проявили небывалый фанатизм и — нужно отдать врагу должное — стойкость, близкую к нечеловеческой. В лютый мороз, с негодным обмундированием, со снабжением, стремящимся к нулю, с банальной нехваткой продовольствия (доходило до людоедства) немцы держались 23 дня. Но к 26 января стало ясно, что для них всё кончено: советские войска наконец смогли рассечь противника, соединившись в районе Мамаева кургана. 30 января Гитлер присвоил Паулюсу фельдмаршальское звание, напомнив в радиোগрамме, что ни один немецкий фельдмаршал никогда не попадал в плен... Можно понять чувства и так державшегося на пределе военачальника, которому фактически предложили героически сдохнуть (ну или покончить жизнь самоубийством — по ситуации). Так или иначе, уже на следующий день он направил в советский штаб просьбу принять его сдачу. 2 февраля немецкое сопротивление в Сталинграде прекратилось.

Для рейха это была катастрофа — военная и моральная. В плен попали более 90 тысяч солдат и офицеров, 24 генерала — и, разумеется, фельдмаршал. Поражение под Москвой зимой 1941–1942-го было болезненным и неприятным, сталинградский коллапс оказался смертельно унижительным. Геббельсовская пропаганда отрицала сдачу окружённых в плен — 6-ю армию в полном составе объявили погибшей, даже устроили в Германии липовый траур. Пощёчина, которую Гитлер готовился дать Сталину, внезапно обернулась тяжёлой оплеухой ему самому...

...Традиционно Сталинградскую битву считают коренным переломом не только в Великой Отечественной, но и во всей Второй мировой войне. И это, разумеется, справедливо с исторической точки зрения — сделанное под Сталинградом зимой было закреплено под Курском летом, Вермахт навсегда утратил стратегическую инициативу. Но достаточно ли этих слов — «коренной перелом» — для того, чтобы описать всю значимость произошедшего в июле 1942 — феврале 1943-го? Чтобы понять, что именно родилось в тот момент, когда бойцы Чуйкова из последних сил держали три крошечных плацдарма правобережной земли? Когда ударные силы Ватутина и Ерёменко встретились у Калача? Когда над Мамаевым курганом поднялся красный флаг?

Как передать те чувства, которые возникают, когда стоишь у подножия легендарного кургана? Двести гранитных ступеней — как двести дней Сталинградской битвы — ведут к его вершине, где возвышается 87-метровая, если считать с поднятым мечом, в восемь тысяч тонн весом статуя — Родина-мать. Огромная, как наша Родина, несгибаемая, как мощь её защитников, и железобетонная, как воля к победе. Эта, пожалуй, лучшая работа скульптора Евгения Вучетича поднялась над Мамаевым курганом в 1967 году — возводили грандиозную статую восемь лет. Изваянное воплощение победы, наша Самофракийская — пусть без крыльев, зато с головой, — и тут осознаёшь истинный масштаб события, не просто переломившего войну — вросшего в душу и самосознание, записанного на подкорке,

ставшего одним из символов национального духа. Недаром само слово «Сталинград» стало и нарицательным, и интернациональным. Нет, недостаточно просто сказать — «коренной переломом»! Исторически справедливо, но недостаточно! Ибо всегда найдутся как желающие принизить нашу победу («мясом завалили», «голыми руками посылали воевать», и прочая, и прочая), так и охотники прикоснуться к чужим лаврам («а вот союзники», «а в это время на других фронтах»)... Да, был тот же Эль-Аламейн, по масштабам сталинградского горнила — «конфликт местного значения», и при всём уважении к памяти союзных солдат — битву, изменившую ход истории, наши бойцы вытаскивали сами. Стоит напомнить ревизионерам, что тогда, в 1943-м, все прекрасно понимали, как выигрывалась эпоха. Вновь обратимся к сборнику «Сталинград. Величайший провал Гитлера», слова журналиста «Таймс»: «Красная Армия — это мыслящая армия, и в глазах её бойцов вы найдёте неугаемое любопытство, многочисленные таланты и способность к самопожертвованию, сталь присущую русскому народу». Или вот книга цитирует британского премьера К. Эттли: «Стоит отдать должное советскому военному командованию. Они создали не армию роботов, а армию мыслящих, инициативных людей». И пусть «коренной перелом» для ревизионеров истории звучит не сильнее, чем «война тутси и хуту». Зато «Сталинград» — понятно на любом языке безо всяких объяснений.

И друзьям, и недругам.

И этим сказано всё.

